После протеста в Шпейере и принятия Аугсбургского исповедания, доставивших Реформации победу в Германии, последовали годы борьбы и мрака. Ослабленный раздорами среди своих приверженцев и постоянно подвергаясь нападкам со стороны могущественных врагов, протестантизм, каталось, доживал последние дни. Тысячи людей запечатлели кровью верность истине. Разгорелась гражданская война; протестантское движение было предано одним из его руководителей; знатнейшие князья-протестанты попали в руки императора и их, как пленников, переправляли из города в город. Но в момент кажущегося триумфа император потерпел поражение. Он видел, что добычу ему не удержать, и в конце концов вынужден был снять запрет с тех учений, уничтожение которых превратилось в цель его жизни. Он разорил свою империю, опустошил казну, он рисковал жизнью ради искоренения ереси. Теперь он обнаружил, что армии его разбиты в кровопролитных сражениях, средства истощены, многим его владениям угрожают восстания, в то время как вера, которую он напрасно старался задушить, распространяется все шире. Карл V боролся со всемогущей силой. Бог сказал: "Да будет свет", — но император предпочел тьму. Его планы рухнули, преждевременно состарившись, измученный длительной борьбой, он отрекся от престола и окончил свою жизнь в монастыре.

В Швейцарии, как и в Германии, для Реформации наступили мрачные дни. В то время как многие кантоны принимали реформаторскую веру, другие продолжали слепо верить Риму. Преследование тех, кто желал сохранить истину наконец вылилось в гражданскую войну. Цвингли и многие из его приверженцев пали в кровавом сражении под Каппелем. Эколампадиус, потрясенный этими страшными бедствиями, вскоре умер. Рим торжествовал, и во многих областях казалось, восстановил свое господство. Но Тот, Чьи планы вечны, не забыл о Своем деле и Своем народе. Его руки готовили избавление. В других странах Он воодушевил тех, кто мог продолжать дело Реформации.

Во Франции, где еще не было известно имя Лютера, начался рассвет. Одним из первых, воспринявших свет, оказался престарелый Лефевр, человек весьма ученый, профессор Парижского университета, по своим убеждениям искренний и ревностный сторонник папства. Занимаясь исследованиями древней литературы, он обратил внимание на Библию и ввел ее как предмет изучения среди студенчества.

Лефевр был ревностным почитателем святых, и на основе церковных легенд он решил написать историю святых и мучеников. Этот колоссальный труд уже значительно продвинулся вперед, когда, обнаружив, что Библия может оказаться большим подспорьем, он начал изучать ее. Там он действительно нашел жизнеописания

праведных, но не тех, которые были представлены в римском календаре. Потоки Божественного света озарили его. Ошеломленный, он с отвращением отвернулся от своей прежней цели и посвятил себя изучению Слова Божьего. Вскоре он начал проповедовать драгоценные истины, которые открылись ему.

В 1512 году, до начала реформаторской деятельности Лютера и Цвингли, Лефевр писал: "Бог через веру оправдывает нас; только та праведность, что мы получили по благодати, оправдывает нас к вечной жизни". Размышляя о тайнах искупления, он восклицал: "О, невыразимое величие истины: Безгрешный осужден, виновный оправдан; Благословенный несет проклятие, проклятый — благословение; Жизнь умирает, мертвый живет, Слава поглощена тьмой, а опозоренный облечен славой".

И хотя он учил, что слава спасения принадлежит одному Богу, он здесь же заявляет, что долг повиновения принадлежит человеку. "Если ты принадлежишь к церкви Христа, — говорит он, — тогда ты часть Его тела; если ты часть Его тела, тогда ты несешь в себе полноту Божественной природы... О, если бы только люди могли проникнуться пониманием этого преимущества, насколько чище, целомудреннее и возвышеннее была бы их жизнь, и с каким презрением они отвернулись бы от всей славы этого мира, которая ничто в сравнении с той славой внутри их, которую глазами не увидишь".

Среди студентов Лефевра нашлись те, кто с величайшим интересом внимали ему, и после того, как голос учителя навеки умолк, они еще долгие годы продолжали возвещать истину. К числу таких вестников принадлежал и Вильям Фарель. Будучи сыном благочестивых родителей и слепо воспринимая все учения церкви, он мог вместе с апостолом Павлом сказать: "Я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению" (Деян. 26:5). Ревностный католик, он горел желанием уничтожить всякого, кто осмеливался противиться церкви. "Я скрежетал зубами, как лютый волк, — впоследствии говорил он, вспоминая об этом периоде своей жизни, — когда слышал, что кто-либо выступает против папы". Чтя святых, он вместе с Лефевром не уставал посещать все церкви Парижа, молясь у алтарей и возлагая дары к священным гробницам. Но все это не приносило мира его душе. Сознание греховности не покидало его даже после исполнения всего ритуала покаяния. Словно глас небесный, он услышал слова реформатора: "Спасение совершается по благодати. Невинный осужден, а преступник помилован. Только крест Христа открывает врата неба и закрывает врата ада".

Фарель с радостью принял истину. Обратившись подобно Павлу, он оставил бремя традиций и обрел свободу детей Божьих. "Вместо кровожадного сердца хищного волка

ему было дано сердце нежного, кроткого ягненка; он полностью отвратился от папы и посвятил всего себя Иисусу Христу".

В то время как Лефевр продолжал распространять свет истины среди студентов, Фарель, ставший служить делу Христову с таким же усердием, с каким прежде служил папе, начал публично проповедовать истину. Вскоре к нему присоединился епископ города Мо, один из высокопоставленных иерархов католической церкви. Появились и другие учители, пользовавшиеся большим уважением благодаря своей учености и дарованиям. Они постоянно возвещали благую весть, и вскоре Евангелие покорило сердца самых разных людей — от ремесленников и крестьян до коронованных особ. Сестра царствующего тогда Франциска I приняла реформаторскую веру. Сам король и королева-мать одно время очень благосклонно относились к новой вере, и реформаторы надеялись, что вся Франция вскоре примет Евангелие.

Но их надеждам не суждено было сбыться. Испытания и гонения ожидали учеников Христа. Однако по милости Христа это было сокрыто от них. Спокойное время, отведенное им, было необходимо для того, чтобы накопить силы и достойно встретить предстоящие искушения и испытания. Реформация успешно распространялась. Епископ города Мо трудился в своей епархии, просвещая светом истины как духовных лиц, так и народ. Невежественных и порочных священников сместили, заменив их знающими и благочестивыми людьми. Епископ очень хотел, чтобы Слово Божье стало доступно народу, и вскоре это желание осуществилось. Лефевр взялся за перевод Нового Завета, и в то же самое время, когда Библия Лютера на немецком языке появилась в Виттенберге, в городе Мо был издан на французском языке Новый Завет. Епископ не жалел ни трудов, ни средств, распространяя его среди своих прихожан, и вскоре все окрестные крестьяне имели Новый Завет.

Подобно тому, как умирающие от жажды путники радостно бросаются к живительному источнику, так и эти души приняли небесную весть. Работая — в поле или в мастерских, — люди беседовали о драгоценных истинах Священного Писания. Вечерами многие уже не отправлялись выпивать, а собирались в чьем-нибудь доме, чтобы вместе читать Слово Божье, молясь и славя Господа. В этих общинах скоро стали заметны большие перемены. Простые, необразованные труженики были облагорожены и одухотворены силой Божественной благодати. Смиренные, любящие, благочестивые, они были живым примером того, что может совершить Евангелие с теми, кто искренно принимает его.

Свет, зажженный в городе Мо, распространялся и дальше. Каждый день увеличивалось число обращенных. Ярость иерархии некоторое время сдерживалась

королем, который с презрением относился к ограниченности и фанатизму монахов, но в конце концов паписты одержали победу. Запылали костры. Епископ города Мо, вынужденный выбирать между костром или отречением, предпочел отречься, но, невзирая на падение своего пастыря, паства оставалась непреклонной. Многие в пламени костра засвидетельствовали свою верность истине. Мужество и преданность во время казни этих скромных христиан оказывались более громкой и убедительной проповедью, чем любые слова, произнесенные в мирной обстановке.

И не только простые и бедные люди среди страданий и мук свидетельствовали о Христе. В великолепных замках нашлись высокородные особы, которые дорожили истиной превыше своего богатства, положения и даже жизни. Королевские регалии скрывали более возвышенный и твердый дух, чем епископская мантия и митра. Луи де Беркен был человеком знатного происхождения. Смелый и учтивый рыцарь, он увлекался наукой, имел самые изысканные манеры и отличался высокой нравственностью. "Он был, — говорил один писатель, — пламенным приверженцем папизма, усердно посещал мессы, охотно слушал проповеди, его добродетели увенчивались особым отвращением ко всему лютеранскому". Но, подобно многим другим познакомившись с Библией благодаря особенной заботе провидения Божьего, он, к своему изумлению, "нашел там не доктрины Рима, а доктрины Лютера". В результате он всецело посвятил себя делу Евангелия.

"Один из самых образованных людей Франции", выдающийся оратор, бесстрашный, пылкий, обладающий влиянием при дворе, — он был любимцем короля, — Беркен давал право считать, что он станет достойнейшим реформатором своего отечества. Беза говорил: "Беркен был бы вторым Лютером, если бы в лице Франциска I он нашел второго курфюрста Саксонского". "Он еще хуже Лютера", — вопили паписты. И действительно, он был для них опаснее немецкого реформатора. Беркена бросили в темницу, обвинив в ереси, но король освободил его. Годами длилась эта борьба. Франциск I, колеблясь между Римом и Реформацией, сдерживал ярость монахов. Трижды Беркен был брошен в тюрьму папскими властями, и каждый раз король вызволял его. Плененный гением и благородством этого человека, он отказывался принести его в жертву злобствующему духовенству.

Беркена часто предостерегали об опасности, грозившей ему во Франции, и настойчиво советовали последовать примеру тех, кто нашел себе убежище в добровольном изгнании. Робкий, приспосабливающийся ко времени и обстоятельствам Эразм, которому, несмотря на весь блеск его познаний, недоставало нравственного величия, побуждающего людей посвятить свою жизнь служению истине, писал Беркену: "Попроси, чтобы тебя направили послом в какую-нибудь страну; или отправься путешествовать по Германии. Ты знаешь Безу и подобных ему. Это тысячеглавое

чудовище, изрыгающее яд. Твоих врагов — легионы. И если бы даже твоя участь была лучше Иисуса Христа, то и тогда они не оставили бы тебя, пока не погубили самым подлым образом. Не доверяйся слишком покровительству короля. В любом случае — не компрометируй меня на нашем богословском факультете".

Опасность все возрастала, усиливая смелость и усердие Беркена. Будучи слишком далек от того, чтобы принять дипломатические эгоистичные советы Эразма, он решил действовать еще смелее — не только защищать истину, но и обличать заблуждения. Те обвинения в ереси, которые паписты пытались взвалить на него, он обрушит на них. Его самыми непримиримыми и яростными противниками были ученые и монахи с богословского отделения знаменитого Парижского университета, который был высшим духовным авторитетом в стране. Из сочинений этих богословов Беркен извлек 12 положений и публично объявил их "противоречащими Библии и, следовательно, еретическими" и, обратившись к королю, просил его стать судьей этого диспута.

Монарх, желая продемонстрировать разницу в силе и мудрости противоборствующих сторон и радуясь случаю смирить гордых и высокомерных монахов, потребовал, чтобы католики строили свою защиту на основе Библии. Они хорошо понимали, что это оружие не принесет им успеха; такими средствами, как тюрьма, пытки и костер они владели гораздо лучше. Теперь их роли поменялись, и они увидели себя на краю пропасти, в которую надеялись сбросить Беркена. Пораженные, они начали искать выход из положения.

"Как раз в то время была осквернена статуя Девы Марии, которая стояла на углу одной из улиц города. Это вызвало большое волнение среди горожан. На место происшествия стекались толпы огорченных и возмущенных людей. Король также был глубоко задет всем происшедшим. Для врагов Беркена настал благоприятный момент и, воспользовавшись этим, они заявили: "Вот плоды учения Беркена. Все скоро будет ниспровергнуто этим лютеранским заговором: и религии, и законы, и престол".

И снова Беркен был схвачен. Как раз и то время короля не оказалось в Париже, и монахи получили свободу действий. Реформатора судили и приговорили к смерти, а чтобы помешать Франциску I спасти его, решили привести приговор и исполнение немедленно. В полдень осужденного привезли на место казни. Собрались огромнейшие толпы людей, многие из них с треногой отмечали, что добычей папства оказался один из лучших и храбрейших представителей знатнейшего семейства Франции. Удивление, возмущение, презрение и горькая ненависть омрачали лица, и только один человек оставался невозмутимым и спокойным. Мысли мученика были далеки от волнений и

скорби; он ощущал только присутствие Господа.

Беркен не замечал ни жалкой двухколесной телеги, на которой его везли, ни мрачных лиц своих палачей, не думал об ужасной смерти, ожидающей его. Тот, Кто был мертв и "се, жив", Тот, Кто имеет и своих руках ключи ада и смерти, был рядом с ним. Небесный свет и мир отражались на лице Беркена. В соответствии со своим высоким происхождением он был одет в "бархатный плащ, атласный камзол алого цвета и золотистые панталоны". Пришел час, когда он должен засвидетельствовать свою веру перед Царем царей и всей Вселенной, и ни одна скорбная тень не омрачила его радости.

Процессия медленно двигалась вперед по запруженным народом улицам, и все с удивлением смотрели на его безмятежное, полное неземного торжества лицо. "Он подобен, — говорили люди в толпе, — человеку, который в храме размышляет о чем-то священном".

Взойдя на костер, Беркен хотел было сказать несколько слов народу, но монахи, опасавшиеся этого, подняли крик, солдаты начали бряцать оружием, и голос мученика потонул в шуме. "Заглушив предсмертные слова умирающего мученика, высшая духовная власть Парижа, слывшего культурным городом, еще в 1529 году оставила позорный пример французской черни 1793 года".

Итак, Беркен погиб. Известие о его смерти вызвало глубокую скорбь всех, кто сочувствовал Реформации во Франции. Но он погиб не напрасно. "Мы также готовы, — говорили свидетели истины, — встретить смерть с радостью, устремляя взоры к вечности".

Во время гонений в городе Мо учителям реформаторской веры было запрещено проповедовать, и они отправились в другие края. Спустя некоторое время Лефевр уехал в Германию. Фарель возвратился в свой родной город на востоке Франции, чтобы там распространять свет истины. Со временем туда дошли слухи о событиях в Мо, и истина, которую он возвещал с таким бесстрашием и рвением, нашла своих последователей. Но вскоре власти заставили его замолчать, а затем изгнали из города. Открытая деятельность стала невозможна, и тогда он принялся проповедовать крестьянам, заглядывая в отдаленные уголки, переходя из дома в дом, объезжая селение за селением, часто находя приют в лесах и пещерах, где не раз прятался в

детстве. Бог готовил его к великим испытаниям. "Крест, гонения и происки сатаны, — говорил он, — обрушились на меня, и все это было выше моих сил, но Господь — мой Отец, Он посылал мне силы, и я верю, что Он никогда не оставит меня".

Как и в апостольские дни, преследования "послужили к большему успеху благовествования" (Филип. 1:12). Изгнанные из Парижа и города Мо, они, "рассеявшиеся ходили и благовествовали слово" (Деян. 8:4). И таким путем свет проникал во многие отдаленные провинции Франции.

Господь продолжал заботиться о том, чтобы все больше людей несли Благую Весть. В одном из учебных заведений Парижа учился вдумчивый и уравновешенный юноша. Он выделялся не только сильным, проницательным умом, но и своей внутренней чистотой и религиозным рвением. Незаурядные способности и прилежание вскоре сделали его гордостью колледжа, и с уверенностью можно было утверждать, что Жан Кальвин станет одним из талантливых и уважаемых деятелей римской церкви. Но луч Божественного света проник и сквозь стены схоластики и суеверий, которые окружали Кальвина. Новые учения приводили его в ужас, и он нимало не сомневался, что еретики вполне заслуживают костра. Но вот совершенно случайно он вплотную столкнулся с ересью и невольно был вынужден испытать силу римской теологии в борьбе с протестантским учением.

Двоюродный брат Кальвина, приверженец Реформации, жил в Париже. Братья часто встречались и обсуждали вопросы, волновавшие всех христиан. "В мире существуют два религиозных течения, — говорил протестант Оливетан, — одну религию придумали люди, там человек старается заслужить спасение, совершая обряды и добрые дела; все положения другого вероучения содержатся в Библии, и оно учит человека искать спасения единственно через свободный дар благодати Божьей".

"Я не хочу иметь ничего общего с твоим новым учением, — вскричал Кальвин, — или ты думаешь, что я всю жизнь заблуждаюсь?"

Постепенно, помимо его желания, юношу стали смущать неожиданные мысли. Оставаясь один, он размышлял над словами брата. Сознание собственной греховности не покидало его, он видел себя, оказавшегося наедине с праведным и справедливым Судьей. Заступничество святых, добрые дела, обряды церкви — все казалось бессильным искупить его душу. Впереди не было ничего, кроме мрака вечного отчаяния.

Напрасно богословы пытались помочь его горю. Не помогли ни исповедание, ни епитимьи, ничто было не в состоянии примирить душу с Богом.

В состоянии такого душевного борения Кальвин оказался однажды на площади, где стал свидетелем сожжения еретика. Он был крайне смущен выражением мира, покоившимся на лице обреченного. В тисках такой страшной смерти, отлученный от церкви (а это было пострашнее физических страданий) мученик сохранил веру и мужество, которые молодой студент сравнивал со своим отчаянием и безысходностью, хотя он самым строжайшим образом подчинялся учению церкви. Он знал, что эти еретики основывались в своей вере на Священном Писании. И он решил изучить Библию, чтобы открыть тайну их радости.

В Библии он нашел Христа. "О Отец, — молился он, — Его жертва умилостивила Твой гнев; Его кровь омыла мою нечистоту, на кресте Он понес мое проклятие. Его смерть искупила меня. Мы тонем в собственных безрассудствах, но Ты вручил мне Свое Слово как факел, Ты коснулся моего сердца, чтобы я почувствовал отвращение ко всему, кроме Иисуса".

Кальвина готовили к принятию духовного сана. Когда ему было только 12 лет, он был назначен капелланом в небольшую церковь, и епископ совершил над ним обряд согласно церковному уставу. Его не рукополагали, он не исполнял никаких обязанностей священника, но он стал клириком и получал соответствующее жалование.

Теперь же, сознавая, что никогда не решится стать священником, он принялся за изучение права, но вскоре оставил это намерение в надежде посвятить свою жизнь Евангелию. Однако деятельность проповедника Евангелия его страшила: он был застенчив и к тому же полностью осознал ответственность этой работы; его же по-прежнему влекли научные занятия. Наконец, уступая настояниям друзей, он согласился. "Удивительно, — говорил он, — что человек такого низкого происхождения удостоился такой высокой чести".

Спокойно начал Кальвин свою работу, и слова его были подобны освежающей росе, падающей на землю. Он оставил Париж, поселившись в небольшом провинциальном городке под защитой принцессы Маргариты, которая, будучи предана Евангелию, покровительствовала его ученикам. Кальвин в то время был юношей с мягкими и скромными манерами. Поначалу он ходил из дома в дом. Вместе со всем семейством

читал Библию и открывал людям истину спасения. Услышавшие эту весть несли ее другим, и вскоре новый учитель начал посещать деревни и селения в окрестностях города. Он находил доступ и в замки, и в бедные хижины и неуклонно шел вперед, закладывая основания будущих церквей, которым предстояло бесстрашно свидетельствовать об истине.

Спустя несколько месяцев он вновь возвратился в Париж. Среди ученых царило необычайное волнение. Изучение древних языков невольно привело людей к Библии, и даже те, чьи сердца не были затронуты ее истинами, горячо обсуждали эти вопросы, подчас вступая в дискуссии с папистами. Хотя Кальвин и был силен в богословской полемике, однако ему предстояло выполнить более возвышенную миссию, чем этим шумным ученым. Умы людей пробудились, и это был самый подходящий момент для того, чтобы познакомить их с истиной. В то время как в залах университетов происходили горячие богословские диспуты, Кальвин ходил из дома в дом, открывая народу Библию и рассказывая им о Христе и Его распятии.

Провидению Божьему было угодно, чтобы в Париже еще раз прозвучала Благая Весть. Призывы Лефевра и Фареля были отвергнуты, но каждый житель этого большого города должен был вновь услышать весть. Из политических соображений король еще не встал на сторону Рима в борьбе против Реформации. Принцесса Маргарита по-прежнему лелеяла в сердце надежду, что протестантизм восторжествует во Франции. И она твердо решила, что реформаторская вера должна быть проповедана в Париже. В отсутствие короля она повелела протестантскому служителю проповедовать в храмах города. Когда это было запрещено папскими сановниками, принцесса предоставила свой дворец. Помещение привели в соответствующий вид, и объявили, что ежедневно в определенное время здесь будут проводиться богослужения, на которые приглашались люди всех сословий. Толпы людей ежедневно приходили туда. Среди них были государственные деятели, юристы, купцы и мастеровые. Кроме дворцовой церкви они заполняли и соседние помещения. Король, вместо того чтобы запретить эти собрания, распорядился открыть еще две церкви в Париже. Никогда еще Слово Божье так не притягивало к себе человека. Казалось, что само Небо окружало людей. Пьянство, разврат, вражда и праздность были вытеснены воздержанностью, чистотой, порядком и трудолюбием.

Но духовенство не дремало. Когда король отказался закрыть церкви, паписты обратились к городским низам, не останавливаясь ни перед чем, чтобы возбудить страх, предрассудки и фанатизм невежественной и суеверной толпы. Слепо подчинившись лжеучителям, Париж, подобно Иерусалиму в древности, не узнал времени своего посещения и того, что способствовало бы миру. В течение двух лет в столице проповедовалось Слово Божье, и хотя многие приняли Евангелие, все же

большинство отвергло его. Франциск I выказывал свою веротерпимость, но делал это с определенными намерениями, и паписты сумели восстановить утерянную прежде власть. Снова были закрыты церкви, и воздвигнут эшафот.

Кальвин все еще находился в Париже. Погруженный в занятия, размышления и молитвы он готовился к предстоящему служению и распространению света. Но в конце концов он попал под подозрение. Власти города решили предать его сожжению. Однажды в доме Кальвина, не подозревавшего об опасности, появились взволнованные друзья, сообщившие, что с минуты на минуту его должны арестовать. И тут же раздался стук в дверь. Нельзя было терять ни мгновения. Кто-то из друзей пошел встречать офицеров, другие помогли Кальвину спуститься из окна, и он быстро скрылся на окраине города. Найдя приют в доме какого-то ремесленника, сочувствовавшего Реформации, он переоделся в одежду хозяина, подхватил мотыгу и отправился в путь. Двигаясь все время на юг, он вновь нашел убежище во владениях принцессы Маргариты.

Здесь он прожил несколько месяцев, защищенный покровительством своих могущественных друзей, погрузившись в занятия и изучение Слова Божьего. Но его не покидала мысль о необходимости распространять истину во Франции, и он не мог долго оставаться в бездействии. Как только разыгравшаяся буря немного утихла, он нашел для себя новое поле деятельности в Пуатье, где имелся университет, и где новое учение было доброжелательно принято. Люди всех сословий с радостью воспринимали евангельскую истину. Кальвин не проповедовал там публично, но в доме мэра, в своем жилище, а иногда и в общественном саду он открывал слова вечной жизни тем, кто желал слушать их. Позднее, когда слушателей заметно прибавилось, решили, что безопаснее собираться за городом. Подыскали пещеру, искусно замаскированную деревьями и нависающими выступами скал. Сюда приходили небольшими группами, оставляя город различными дорогами, стараясь быть как можно незаметнее. И в этой уединенной пещере люди читали Библию и получали необходимые объяснения. Там протестанты Франции впервые приняли участие в Вечере Господней. Из этой маленькой церкви вышло несколько верных благовестников.

И снова Кальвин возвратился в Париж. Его не покидала надежда, что весь французский народ примет идеи Реформации. Но вскоре он убедился, что там не было почти никакой возможности работать. Проповедовать Евангелие означало немедленно оказаться на эшафоте, и в конце концов он решил отправиться в Германию. Едва он оставил Францию, как вновь над протестантами разразилась страшная буря, и если бы он не уехал, то, без сомнения, и его постигла бы общая участь.

Французские реформаторы, стремясь не отставать от Германии и Швейцарии, решили нанести смелый удар по суевериям Рима и всколыхнуть всю нацию. В одну ночь по всей Франции были расклеены плакаты, резко критикующие мессу. Но вместо ожидаемого успеха этот горячий и необдуманный шаг оказался губительным не только для тех, кто сделал его, но и для всех друзей Реформации во Франции. Паписты получили то, чего так долго ожидали, — предлог, которым можно воспользоваться, чтобы полностью уничтожить еретиков как преступников, опасных для трона и для национального согласия.

Неизвестная рука или опрометчивого друга Реформации, или коварного врага — это так и осталось неизвестным — вывесила один из плакатов на дверях королевского кабинета. Король пришел в ужас: эта листовка наносила беспощадный удар по суевериям, к которым в течении стольких столетий относились с таким благоговением и почтением. Беспримерная дерзость тех, кто осмеливался бросить столь резкие и грубые слова в лицо монарху, привела короля в ярость. На какое-то время он потерял дар речи, весь дрожа от возмущения, а затем его гнев вылился в следующих страшных словах: "Пусть хватают каждого, кто подозревается в лютеранстве. Я уничтожу их всех". Жребий был брошен. Король твердо решил полностью стать на сторону Рима.

Немедленно были предприняты все меры для ареста лютеран в Париже. Паписты схватили бедного ремесленника, сторонника реформаторской веры, который обычно созывал верующих на тайные собрания, и под угрозой неминуемой смерти заставили его показать папскому эмиссару, где живут все известные ему протестанты. Поначалу несчастный человек с ужасом отверг такую низость, но в конце концов страх перед костром вынудил его стать предателем своих собратьев. В сопровождении солдат, священников и монахов Морин — агент королевской сыскной полиции и несчастный человек, поступившийся своей совестью, медленно двигались по улицам города. Эта процессия была устроена как бы в честь "святых таинств", как акт искупления за нанесенные протестантами оскорбления мессе. Но вся эта "священная" пышность скрывала гнусные планы. Приблизившись к дому лютеранина, предатель подавал знак рукой, процессия останавливалась, тут же врывались в дом, хватали всех подряд, заковывали в цепи, и страшное шествие продолжало двигаться в поисках новых жертв. Они "не пропускали ни одного дома, заходили и в жалкие лачуги, и в здания университета... Весь город дрожал перед Морином... Повсюду царили страх и ужас".

Арестованных предавали смерти после жестоких пыток. По особому приказу костры разводили небольшие, чтобы подольше продлить бесчеловечную агонию. Но мученики умирали как победители, с непоколебимой твердостью и невозмутимым спокойствием. Их гонители, бессильные поколебать это непреклонное мужество, чувствовали себя побежденными. "Во всех кварталах Парижа были сооружены эшафоты, и каждый день

сжигались все новые жертвы, чтобы навести страх на людей. Но в конце концов победа оказалась на стороне Евангелия. Весь Париж убедился в том, что представляли собой последователи нового учения. Их кафедрой был костер. Невозмутимая радость, освещавшая лица людей, идущих на мученическую смерть; героическое мужество, не покидавшее их, объятых пламенем, кроткое всепрощение не раз превращали гнев в милость, а ненависть — в любовь, — все это с непреодолимой силой красноречиво свидетельствовало в пользу Евангелия".

Священники, заботясь о том, чтобы гнев народа не остывал, распространяли о протестантах самые невероятные слухи. Их обвиняли в кровавом заговоре против католиков, в намерении свергнуть правительство и убить короля. Но вместе с тем не приводилось ни одного доказательства, подтверждавшего подобные обвинения. Эти страшные предсказания сбылись, но совсем при других обстоятельствах. Преступления, приписываемые католиками невиновным протестантам, были совершены гораздо позднее и совершены папистами, от чьих рук пострадали король, его приближенные и подданные. И не учение протестантизма, а искоренение его привело к тому, что спустя 300 лет Францию постигли страшные бедствия.

Подозрения, недоверие и страх охватили все слои общества. Среди всеобщей тревоги стали очевидными благотворные перемены, которые произвело учение Лютера в его приверженцах — они отличались высокой образованностью, влиянием и чувством собственного достоинства. Самые важные и ответственные посты вдруг оказались незанятыми. Из города исчезли ремесленники, печатники, ученые, профессора университетов, писатели и даже придворные. Сотни людей оставили Париж и добровольно обрекли себя на изгнание, показав тем самым свою приверженность к реформаторскому учению. Паписты растерянно наблюдали за происходящим — они и не подозревали, что вокруг столько еретиков... И тем яростнее они обрушивались на тех, кто находился в их власти. Тюрьмы были переполнены, а воздух пропитался дымом горящих костров, на которых сжигали свидетелей Евангелия.

Франциск I горделиво мнил себя главой великого движения за возрождение науки, начавшегося в XVI столетии. Он охотно приглашал к себе ученых со всего мира. Его терпимость к Реформации отчасти и объяснялась его любовью к просвещению и презрением к невежеству и суеверию монахов. Но охваченный стремлением уничтожить ересь, этот поборник просвещения издал приказ о запрещении печатного дела во всей Франции! История знает много примеров того, как интеллектуальная культура сочетается с религиозной нетерпимостью, и Франциск I тут не исключение.

Свое непреклонное намерение уничтожить протестантизм Франция должна была подтвердить грандиозной расправой. Священники требовали, чтобы оскорбление, нанесенное Небу осуждением мессы, было искуплено кровью, чтобы король от имени народа публично дал свое согласие на проведение этого страшного дела.

Чудовищная церемония состоялась 21 января 1535 года. К тому времени позаботились возбудить к протестантам суеверный страх и слепую ненависть всей нации. Все улицы Парижа были запружены народом. И вот появилась большая, пышная процессия. На домах, мимо которых двигалось шествие, были вывешены траурные полотнища, повсюду стояли алтари. Перед каждой дверью был зажжен факел в честь "святых таинств". Участники шествия собрались у королевского дворца еще до рассвета. "В первых рядах несли хоругви и распятия разных приходов; потом парами шли горожане с горящими факелами". За ними следовали монахи четырех орденов в своих одеяниях. Затем несли мощи известных святых, и торжественно двигались надменные кардиналы в своих пурпурно-алых одеяниях, украшенных драгоценностями.

"Затем следовало войско во главе с епископом Парижа... и четыре знатных принца держали над его головой великолепный балдахин. За войсками шел король... в тот день на нем не было ни короны, ни подобающего одеяния. С непокрытой головой, опущенными глазами и зажженной свечой король Франции шел как кающийся грешник. Перед каждым алтарем он в смирении падал на колени и просил прощения — не за пороки, развратившие его душу, не за кровь невинных, обагрившую его руки, — нет, он замаливал страшный грех своих подданных, которые осмелились осудить мессу. Его сопровождали королева и государственные сановники, шедшие также парами, держа зажженные факелы.

В тот день в большом зале епископского дворца король обратился с речью к высокопоставленным вельможам. Он вышел к ним со скорбным лицом и в трогательных выражениях сокрушался "о преступлении, богохульстве, позоре и печали", постигших всю нацию. И затем он призвал всех верных подданных помочь в искоренении пагубной ереси, угрожающей Франции гибелью. "Как верно то, что я Ваш король, милостивые государи, — сказал он, — так верно и то, что если бы к моей руке или ноге пристала эта мерзостная зараза, я бы позволил вам отсечь ее... Более того, если бы я понял, что кто-то из моих детей опорочен проклятым учением, я не пощадил бы и его.... Я бы сам предал его правосудию и принес в жертву Богу". При этих словах слезы текли по его щекам, и все собравшиеся в один голос воскликнули: "Мы готовы отдать жизнь за католическую веру!".

Какой непроглядный мрак окутал народ, отвергнувший свет истины! Благодать спасения была послана Франции, страна видела ее силу и святость, видела, как обратились тысячи людей, привлеченных ее Божественным совершенством, и города, и селения были осияны ее светом, видела — и отвергла истину, избрав тьму вместо света. Она отвергла предлагаемый ей небесный дар. Она называла зло добром и добро злом, пока наконец не сделалась жертвой самообмана. Возможно, она действительно верила в то, что служит Господу, преследуя Его народ, но это не снимало с нее вины. Она добровольно отвергла свет, который мог бы спасти от заблуждений и удержать страну от кровопролития.

Торжественная клятва искоренить ересь прозвучала в большом кафедральном соборе, где спустя 300 лет народ, совершенно забывший Живого Бога, короновал "богиню разума". После этого шествие снова двинулось по улицам Парижа, и люди, олицетворявшие собой Францию, принялись за осуществление дела, которое поклялись выполнить. "На небольшом расстоянии друг от друга были сооружены подмостки, предназначенные для сожжения заживо протестантов. "Живые костры" должны были вспыхивать при приближении короля, чтобы участники процессии могли видеть их мучения". Слишком тяжело описывать подробности страданий, перенесенных этими свидетелями Иисуса Христа, можно только сказать, что они отдавали свою жизнь без малейшего колебания и сомнения. Когда одного протестанта уговаривали отречься, он ответил: "Я верю только в то, о чем проповедовали пророки и апостолы, в это верили и все святые. Я верю в Господа, Который сразит все силы ада".

Вновь и вновь шествие останавливалось в местах пыток. Наконец, достигнув королевского дворца, народ начал расходиться, а король и прелаты удалились, весьма довольные всеми событиями дня и поздравляя друг друга с тем, что столь успешно началась работа по искоренению ереси.

Евангелие мира, отвергнутое Францией, вскоре было выкорчевано с корнем, последствия этого были ужасающими. 21 января 1793 года, спустя 258 лет с того дня, как Франция поклялась уничтожить реформаторов, по улицам Парижа двигалась другая процессия, с совершенно иными намерениями. "Центральной фигурой процессии снова был король, и снова раздавались крики, и снова шумная толпа требовала жертв, и снова были воздвигнуты мрачные эшафоты, и снова день завершился страшными истязаниями. Людовика XVI, отчаянно сопротивлявшегося своим палачам, силой притащили к плахе и там отсекли ему голову". Погиб не только король; в те кровавые дни господства террора рядом с ним на гильотине были казнены 2800 человек.

Реформация предлагала миру Библию и объясняла требования закона Божьего, стремясь запечатлеть их в совести каждого. Безграничная Любовь открыла перед людьми законы и принципы Неба. Бог сказал: "Итак храните и исполняйте их; ибо в этом мудрость ваша и разум ваш пред глазами народов, которые, услышав о всех сих постановлениях, скажут: только этот великий народ есть народ мудрый и разумный" (Втор. 4:6). Когда Франция отвергла этот небесный дар, она посеяла семена анархии и гибели, которые с неизбежностью дали плоды революции и террора.

Задолго до преследований, вызванных появлением плакатов, осуждавших мессу, смелый и пылкий Фарель был вынужден бежать из своего отечества. Он отправился в Швейцарию и там, помогая Цвингли, сумел склонить общественное настроение в пользу Реформации. Он оставался в Швейцарии до конца жизни, однако постоянно продолжал оказывать решительное влияние на Реформацию во Франции. В первые годы изгнания он заботился главным образом о распространении Евангелия в своей родной стране. Он много проповедовал среди своих соотечественников, живших недалеко от границы, с неослабным вниманием следил за их борьбой, помогая и словом ободрения, и светом. С помощью других изгнанников были переведены на французский язык сочинения немецких реформаторов и вместе с Библией на французском языке отпечатаны большими тиражами. Эти книги распространялись по всей Франции — их отдавали книгоношам по заниженной цене, вырученные деньги поощряли тех продолжать свою работу.

Фарель начал трудиться в Швейцарии в роли скромного школьного учителя. Уединившись в небольшом церковном приходе, он посвятил себя обучению детей. Помимо обычных школьных предметов он начал осторожно знакомить детей с библейскими истинами, надеясь впоследствии заинтересовать и их родителей. Некоторые из них стали верующими, но священники воспрепятствовали его деятельности, настроив суеверный народ против Фареля. "Это не может быть Евангелие Христа, — настойчиво твердили они, — потому что проповедь его приносит не мир, а войну". Следуя примеру первых учеников, Фарель, когда его гнали из одного города, бежал в другой. Скитаясь, он шел от деревни в деревню, из города в город, терпя голод, холод, усталость и постоянно подвергаясь опасностям. Он проповедовал на рыночных площадях, в церквах, а иногда и с соборной кафедры. Иногда он находил церковь совершенно пустой, иногда его проповедь прерывалась криками и насмешками, а иногда его просто стаскивали с кафедры. Неоднократно на него натравливали чернь, избивавшую его до полусмерти. И все же он шел вперед. Часто терпя поражение, он с неослабевающей настойчивостью возобновлял наступление, и селения, которые прежде были цитаделью папства, открывали свои врата перед светом Евангелия. Тот небольшой церковный приход, где он впервые начал работать, вскоре принял реформаторскую веру. Такие города, как Морат и Невшатель, также отказались от католических обрядов и выбросили из своих церквей языческие изображения.

Фарель долго вынашивал в своем сердце желание водрузить знамя протестантизма в Женеве. Если бы удалось завоевать этот город, он мог бы стать центром Реформации для Франции, Швейцарии и Италии. Задавшись этой целью, он продолжал усердно трудиться, пока многие окружавшие Женеву города и селения не приняли реформаторское учение. И только тогда в сопровождении единственного друга он вошел в Женеву. Но там ему удалось сказать лишь две проповеди. Священники, не добившись от гражданских властей его осуждения, призвали Фареля на церковный совет, куда явились с оружием, припрятанным под ризами, твердо решив убить его. Здание было окружено разъяренной толпой, вооруженной дубинками, мечами, — если бы он ускользнул от совета, то попал бы в руки черни. Спасло его присутствие городских властей и вооруженных воинов. На следующее утро Фарель вместе со своим товарищем был переправлен через озеро в безопасное место. Так окончилась его первая попытка проповеди Евангелия в Женеве.

Для следующей попытки было избрано более неприметное орудие — молодой человек столь невзрачного вида, что даже друзья Реформации холодно встретили его. Что мог сделать этот юноша там, где потерпел поражение Фарель? Каким образом он, робкий и малоопытный, устоит под натиском бури, от которой были вынуждены бежать такие сильные и отважные мужи? "Не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф" (Зах. 4:6). "Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков". "Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых" (1 Кор. 1:25, 27).

Фромент начал свою работу как школьный учитель. Истины, которым он учил детей, они повторяли дома. И вскоре стали приходить родители, чтобы послушать толкование Библии, и постепенно классная комната стала наполняться внимательными слушателями. Тем, кто не осмеливался прийти и послушать новое учение, предлагали почитать Новый Завет и трактаты, эти книги были доступны для всех. Спустя некоторое время этот работник также был вынужден бежать, но возвещенные им истины уже успели завладеть сознанием народа. Семена Реформации были брошены в почву, движение продолжало расти и расширяться. Вестники возвратились, и благодаря их трудам протестантское богослужение в конце концов утвердилось в Женеве.

Когда после долгих скитаний и превратностей здесь появился Кальвин, Женева уже открыто признала Реформацию. Кальвин возвращался из родных мест в Базель, но оказалось, что дорога перекрыта войсками Карла V, и он вынужден был избрать окольный путь через Женеву.

В приезде Кальвина Фарель увидел руку Божью. Хотя Женева и приняла реформаторскую веру, здесь еще предстояло провести большую работу. Обращение к Богу совершается не целыми общинами, но каждым человеком в отдельности; сердце и совесть обновляются не постановлениями соборов, но Духом Святым. Хотя жители Женевы отвергли власть Рима, преодолеть пороки, процветавшие при его правлении, они еще не были готовы. Внушить людям необходимость жить по чистым принципам Евангелия, чтобы они были достойны положения, предопределенного им провидением Божьим, — эта задача оказалась не из легких.

Фарель был убежден, что Кальвин — именно такой человек, с которым можно сотрудничать в этом деле. Во имя Господа он торжественно заклинал молодого евангелиста остаться трудиться здесь. Это предложение испугало Кальвина. Робкий и покладистый, он избегал смелых, независимых и вспыльчивых жителей Женевы. Слабое здоровье и склонность к научным занятиям побуждали его искать уединения. Он считал, что его сочинения гораздо лучше послужат Реформации и хотел найти укромное место для своих занятий, чтобы своим пером поддерживать и увещевать церкви. Но торжественная просьба Фареля прозвучала для него как глас Неба и он не осмелился отказаться. Ему казалось, будто "Бог простер с небес Свою руку, возложил ее на него и, не слушая никаких возражений, удержал его на месте, которое Кальвину не терпелось покинуть".

В то время над протестантами нависла серьезная опасность. На Женеву обрушились папские анафемы, и могущественные государства угрожали ей гибелью. Каким образом этот небольшой город сопротивлялся влиятельной иерархии, которой зачастую покорялись короли и императоры? Как мог он устоять перед армиями великих завоевателей?

Во всем христианском мире протестантизму угрожали страшные враги. Время первых побед для Реформации прошло; Рим собрал новые силы, надеясь окончательно уничтожить ее. В это время создается орден иезуитов — они были самыми жестокими, беспринципными и сильными сторонниками папства. Освободившись от всяких земных привязанностей и интересов, умертвив в себе естественные чувства и наклонности, подавив голос совести и разума, они не признавали никакой власти, никаких обязанностей, кроме служения своему ордену, и единственным долгом считали расширение влияния своего ордена. Евангелие Христа делало своих приверженцев способными достойно встречать любые опасности, переносить страдания, холод, голод, лишения, нужду, помогало высоко держать знамя истины, не страшась пыток, темниц и костра. Такой силе иезуиты противопоставляли фанатизм, который помогал им

переносить подобные тяготы и бороться с истиной, не брезгуя никакими средствами. Не существовало такого преступления, которое они не могли бы совершить; не было такого обмана, который они посчитали бы слишком низким, и никакая хитрая уловка не оказывалась для них слишком трудной, чтобы не предпринять ее. Давая обет вечной нищеты и послушания, они настойчиво стремились к богатству и власти, чтобы употребить их для уничтожения протестантизма и восстановления папского владычества.

Члены ордена прикрывались маской святости, посещая тюрьмы и больницы, служа бедным и больным, подчеркивая свою отрешенность от мира и напоминая о том, что они носят священное имя Иисуса, Который ходил повсюду, творя добро. Но под этим благопристойным фасадом часто скрывались самые преступные и зловещие намерения. Главный принцип ордена — цель оправдывает средства. Таким образом, ложь, воровство, вероломство, убийства не только оправдывались, но и поощрялись, если только они могли послужить интересам церкви. Прибегая к разным ухищрениям, иезуиты пробирались на государственные посты, добивались звания королевских советников и оказывали давление на политику многих стран. Они становились слугами, чтобы шпионить за своими господами. Они основывали колледжи для княжеских отпрысков, школы для простолюдинов, вовлекая детей из протестантских семей в исполнение папских обрядов. Вся показная пышность католического богослужения была направлена на то, чтобы, отключив ум человека, воздействовать на его воображение. И получалось, что дети предавали идеалы свободы, за которые так мужественно сражались и проливали кровь их родители. Этот орден быстро распространился по всей Европе и повсюду способствовал возрождению папства.

Для того чтобы сосредоточить больше власти в руках этого ордена, специальным папским декретом возрождалась инквизиция. Невзирая на всеобщее к ней отвращение, этот ужасный трибунал был восстановлен папскими вождями даже в католических странах. Зверства, слишком страшные, чтобы выдержать дневной свет, совершались в ее секретных тюрьмах. Во многих странах были убиты или же изгнаны тысячи людей, составлявших цвет нации: честнейшие и знатнейшие; высокообразованные и талантливые; благочестивые и преданные пасторы; трудолюбивые и любящие свою родину граждане; выдающиеся ученые; талантливые художники; искусные ремесленники.

К таким средствам прибегал Рим, чтобы погасить свет Реформации, лишить народ Библии и ввергнуть его в невежество и суеверие мрачного средневековья. Но по воле Господа трудами благородных мужей, которых Он выдвигал на смену Лютера, протестантизм не был уничтожен. Своей жизнеутверждающей силой это учение обязано не милости князей и их оружию. Оплотом протестантизма становились самые

маленькие страны, самые скромные и слабые нации. Например, крошечная Швейцария в окружении могущественных врагов, замышлявших уничтожить ее; Голландия, на песчаных берегах Северного моря мужественно сражавшаяся против тирании Испании, которая в то время была одним из крупнейших и богатейших государств мира; бедная Швеция, где свершились великие победы Реформации.

Около тридцати лет Кальвин трудился в Женеве — прежде всего созидая церковь, которая руководствовалась бы только чистотой нравственного учения Библии, а затем — над распространением Реформации по всей Европе. В своей общественной деятельности он не избежал ошибок, а его доктрины не были свободны от заблуждений. Но он сыграл выдающуюся роль в распространении истин, особенно важных для его времени, в защите протестантизма против быстро возрождавшейся мощи папства, он помогал реформаторским церквам встать на путь простой и чистой жизни, противополагая ее гордыне и испорченности, процветавшим при владычестве католиков.

Женева рассылала учителей и книги для распространения реформаторских учений. К ней обращали свои взоры гонимые всех стран за ободрением и наставлением. Город Кальвина стал убежищем для гонимых реформаторов всей Западной Европы. Спасаясь от страшных преследований, длившихся целыми столетиями, беглецы приходили к вратам Женевы. Истощенные, израненные, лишенные семьи и отечества, они встречали здесь радушный прием и теплую заботу. Обретя вторую родину, они становились благословением для принявшего их города, отдавая ему свое мастерство, знания и благочестие. Многие, найдя здесь убежище, затем возвращались к себе домой, чтобы бороться там против тирании Рима. Джон Нокс, смелый шотландский реформатор, немало английских пуритан; голландские и испанские протестанты; французские гугеноты — все они несли из Женевы факел истины, чтобы рассеять мрак, окутавший их родную землю.